

СНИТЬ СУДЬБЫ

Елена Воздвиженская
Елена Вакуленко

Елена Воздвиженская

Нить судьбы

«Издательские решения»

Воздвиженская Е.

Нить судьбы / Е. Воздвиженская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592871-9

Той глухой, морозной, безлунной ночью, когда осень ещё не прошла, а зима не наступила на белом свете, на порог дома Захарихи пришли спасённые ею когда-то волки. Они явились, чтобы позвать старуху в тёмный лес, ибо только от её поспешности и участия зависела сейчас черед событий, которые плетёт нить судьбы...

ISBN 978-5-00-592871-9

© Воздвиженская Е.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	21
ГЛАВА 8	23
ГЛАВА 9	25
ГЛАВА 10	29
ГЛАВА 11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нить судьбы

Елена Воздвиженская
Елена Вакуленко

Дизайнер обложки Мария Дубинина

© Елена Воздвиженская, 2022

© Елена Вакуленко, 2022

© Мария Дубинина, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-2871-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены законом об авторском праве. Никакая часть электронной и печатной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет, на любой из платформ, озвучи-

вание текста, а также частное и публичное использование текста без письменного разрешения владельца авторских прав.

ГЛАВА 1

Захариха сидела на завалинке, тяжело вздыхая, и устремив свой взгляд вдаль. Там, на самом горизонте, садился за тёмный дремучий лес, что начинался сразу за деревней, огромный красный шар солнца. Он уже почти ушёл за острые пики чёрных елей, и последние лучи заходящего небесного светила, вспыхнув напоследок, озарили небольшую деревеньку, что раскинулась у подножия трёх холмов, на берегу реки. Природа готовилась ко сну после долгого, полного хлопот, летнего дня. С другой стороны неба уже повис рожок месяца, тут и там загорались над избами яркие звёздочки. Где-то далёко в лесу ухал филин. С реки тянуло прохладой, слышались всплески, то рыба играла в воде. Вот уж и побежала по водной глади лунная дорожка, засеребрилась, задрожала, взволновала речную тишь. Ночь пришла.

Изба Захарихи стояла чуть поодаль от остальных, в стороне от деревни, ближе к лесу, оттого темнело тут раньше. Длинные тени от высоких елей и сосен, берёз да рябин простирались ещё до наступления сумерек до самой избы, тянули свои ветви-руки к человеческому жилью, то ли желая уберечь, то ли забрать, унести с собой. Но Захариха знала, что её лес не тронет, потому что ежели ты с ним по-доброму, то и он тебе всем сердцем отзовётся, откликнется. Природу её не обманешь, матушку, она сразу чует человека недоброго, отличает без ошибки худое от хорошего. Захариха ходила в лес без опаски, далёко уходила, всегда с дарами возвращалась. Она лес не обижала, и он её чтит. Так и жили.

И вот сейчас Захариха сидела, задумавшись, и глядела на уходящее солнце. Она вспоминала события десятилетней давности, которые не могла забыть вот уже много лет. В один из поздних осенних вечеров, это было то самое время, когда осень ещё не ушла, а зима не наступила на белом свете, она услышала тихое повизгивание и поскрёбывание в дверь. Отворив, она увидела большого волка.

– М-м-м, вот кто это, а почему ты сегодня один? – спросила Захариха.

Зверь снова заскулил, чуток отбежал в сторону, и припал на лапы, потом вновь вернулся к Захарихе, поскуливая и словно маня её за собой.

– Что-то случилось, – поняла старуха.

Волк закрутился на одном месте. Она метнулась в избу, чтобы накинуть шаль да тулупчик, вновь выбежала на крыльцо и чуть не упала, споткнувшись о лопату. Захариха удивлённо посмотрела на волка, а тот, припадая на передние лапы, заглядывал ей в глаза и продолжал скулить.

– Ну ладно, коль ты так просишь, возьму, значит, – ответила она, с нарастающей тревогой глядя на старого знакомого.

– Для чего он пришёл за ней? Что произошло там, в лесной чаще, что была домом зверя?

Когда старуха подняла лопату, волк повернулся и небыстрым шагом двинулся в сторону леса. Захариха пошла за ним следом, сжимая в руке лопату.

Шли они недолго, уже смеркалось. Вот и лес. Захариха, стараясь не потерять из виду волка, спотыкалась о корни деревьев, спешила за зверем. Вдруг до слуха её донеслось тихое, глухое рычание и она увидела второго волка.

– Ага, вот и сестричка твоя, – пробормотала она, обращаясь к первому волку, который, остановившись, оглянулся на старуху.

Увидев, что это старуха, волчица успокоилась и заскулила приветливо. Надо сказать, что волков этих Захариха вскармила и выходила сама. Сначала козьим молоком, а после, как подросли они, и мясом, благо в тот год дичи в лесу было видимо-невидимо, и в силках, которые она ставила, всегда была добыча. Она нашла этих волчат случайно, собирая ягоды да грибы. Идя по лесу, услышала она внезапно тихий звук, похожий на плач. Пойдя на тот плач, Заха-

риха обнаружила под широколапой елью мёртвую волчицу с кутятами. Их было четверо, двое из которых были уже мертвы, как и их мать, а двое других – мальчик и девочка – продолжали, скуля, тыкаться матери в холодный живот и искать сосок.

– Ох, вы ж бедные мои, сиротинушки, – всплеснула руками старуха.

Она нарвала еловых лап и прикрыла ими мёртвую волчицу с волчатами, а этих двоих положила в корзину, прикрыла своим платком да унесла домой.

Волчата выросли и ушли в лес. Но не забывали свою спасительницу, то и дело, открыв с утра дверь, Захариха находила на ступенях крыльца то рябчика, то кусок кабаньего мяса, то зайца. Это всё были лесные дары от её приёмшей. Благо избёнка её стояла на отшибе, и никто из соседей ничего не узнал и не приметил.

И вот сейчас, придя туда, куда так настойчиво тянул её приёмш, она ахнула и прикрыла сухощавой, морщинистой ладонью рот. Недалече от волчицы, которая почему-то не сходила с места, иногда скаля зубы, лежала на земле молодая женщина. Старуха кинулась к ней:

– Милая ты моя!...

Женщина оказалась мёртвой, а вся одежда её была в крови. Захариха, испугавшись, подумала, было, что это волки загрызли её и похолодела. Но, приглядевшись внимательнее, она поняла, что кровь только на руках и подоле юбки женщины. Ещё не понимая, что здесь произошло, Захариха подумала:

– Так вот зачем лопата-то нужна была...

И в эту минуту вдруг раздался тихий писк. Старуха вздрогнула и, обернувшись, внимательно поглядела на волчицу, та вновь оскалила зубы. Волк коротко тьякнул и волчица, поднявшись, отошла с места. Старуха всплеснула руками и обомлела. На земле лежал крохотный свёрточек, от которого и шло это пищание. Захариха кинулась к свёртку, развернула его и увидела новорожденного младенца – это была маленькая девочка, которая чмокала губками, ища материнскую грудь и слабо плакала.

Старуха поняла – мать, родив дочь, из последних сил запеленала её в свою нижнюю юбку, а сама умерла, истекая кровью. Девочку обнаружили волки, и пока один из них бегал за помощью к Захарихе, волчица оберегала дитя от хищников, согревая своим телом.

Захариха тяжело вздохнула, завернула девочку в свою тёплую вязаную шаль, отёрла с лица набежавшие от потрясения слёзы, и, перекрестившись, принялась копать яму под приметной берёзой. В этой яме она и похоронила несчастную молодую женщину, мать девочки. После всего старуха тяжело отдышалась и сотворила молитву, литию, что читают по усопшим, ведь отпеть умершую по чину мог только священник, а Захариха была мирянином и, значит, могла лишь от всего сердца помолиться о бедной женщине.

– Имя её Сам ведаешь, Господи, – прошептала она, отерев вновь слёзы с лица.

Затем, отряхнув с рук землю, и подняв с земли свёрток с малюткой, Захариха повернулась к волкам, что лежали неподалёку и наблюдали за её работой, и сказала:

– Вот и вы мне добром отплатили. За свои спасённые жизни другую жизнь спасли. Спасибо вам!

И, захватив лопату, Захариха направилась в сторону дома. Всю дорогу к дому она слышала за спиной негромкий и протяжный вой волков, те в сиянии полной луны и тишине ночного леса оплакивали умершую.

– Что же делать мне с тобою? – подумала Захариха, глянув на свёрточек в её руках, и, вздохнув, ответила сама себе, – Что, что? Растить станем девчоночку. Что случилось, того не изменить, а нам нужно дальше жить. Значит, так тому и быть.

ГЛАВА 2

– Бабуся, – раздался над самым ухом звонкий девчачий голосок, от которого Захариха вздрогнула, – А ты чего здесь сидишь? Уже темно и холодно становится!

– Ой, Надийка, а я и не заметила, как сумерки опустились, задумалась чего-то.

– Бабуня, пойдём в дом, посмотришь, как я платочек дошила!

– Ну, пойдём-пойдём, стрекоза, – старуха вновь тяжело вздохнула и поднялась со скамейки.

Кругом и, правда, уже стемнело.

– И когда солнце успело укатиться за лес? – подивилась Захариха, оглядевшись кругом, будто только что очнувшись от глубокого сна.

Уже вступила в свои права затейница-ночь, укрывая мир бархатным синим покрывалом с вышитыми по нему серебром нитями звёздных рек и золотым полумесяцем, с искусно выведенными тонкой иглой остроконечными елями на горизонте, очертаниями деревенских домишек чуть вдаль, застывшей берёзой у избы Захарихи, и плывущей надо всем этим вечной Млечной рекой.

Войдя в избу, Захариха почувствовала, как её обдало теплом протопленной с утра печи и запашистыми травами да грибами, развешанными вокруг неё под самым потолком на тесёмочках, да резаными яблоками, что сушились на зажётке в противнях – запасы на долгую, длинную зиму. Только сейчас старуха поняла, что озябла, ночи-то хоть и летние, а всё ж таки уже прохладно по сумеркам-то становится, да и близость леса сказывается, и то, что домишко её в стороне от прочих стоит.

Захариха прошла к печи, и, вынув из печурки, заткнутые туда шерстяные носки, уселась, кряхтя, на лавку, да надела их на ноги.

– Так-то лучше будет, – удовлетворённо кивнула она, – А теперь давай чаёвничать да спать укладываться.

– Бабуня, погоди с чаем, погляди-ка, как я платочек дошила! Смотри, какие маки красные! А пшеничные колосья золотые! А колокольчики! Слово вот сейчас зазвонят, правда? Как живые! Да, бабунь?

Надийка бегала вокруг стола, ожидая, что ответит бабушка.

– Сядь, егоза, – засмеялась старуха, – Тараторишь без умолку. Ну, давай поглядим, что ты тут сделала.

Надюшка уселась рядышком с бабусей к столу, и терпеливо стала ждать, когда та рассмотрит её вышивку. Захариха со всех сторон покрутила платочек, подивилась:

– Надо же, какая ты мастерица! Слово одной рукой вышито. И как у тебя так получается?

– Не знаю, бабуня, как будто кто-то мою руку направляет. А ведь ты меня только штопать и маленько шить научила. А там, в узелке, ещё и бусинки красивые лежат. Я уже придумала, как можно этими бусинами подушечку украсить, расшить.

Захариха внимательно слушала девочку, а сердце её трепетало, что осенний листок на ветру.

– Ладно, егоза, давай чай пить, да спать ложиться. Завтра до свету тебя подниму, в лес пойдём!

– Ура-а-а-а! – закричала Надюшка, и захлопала в ладошки, пританцовывая, – Надо не забыть вяленого мясца с собой взять.

– Ш-ш-ш-ш, – прикрикнула Захариха, – Не кричи, и так про нас, невесть что, по деревне плетут.

Надюшка прижала пальчик к губам и кивнула, показывая, что молчит. После чая девочка спросила:

– Бабуся, а можно я этот платочек вышитый себе на подушку положу?

– Можно, можно, – Захариха проводила внучку до постели, поцеловала девочку в лоб, поправила одеяло и перекрестила на ночь.

– Я тебя люблю, бабуся, – прошептала Надийка, и, повернувшись на другой бок, тут же уснула.

Старуха поглядела на неё, вздохнув в очередной раз за этот вечер, и пошла к себе.

Сон в эту ночь к ней не шёл. Ни травы, ни молитвы не помогали. Воспоминания тяготили её душу. В ту осеннюю ночь, вернувшись из лесу домой, Захариха подоила козу, и накормила девочку из рожка. К счастью, малютка взяла рожок охотно и вскоре, насытившись, уснула. Захариха же села разбирать узелок, который нашла возле покойницы, в надежде найти хоть какие-то бумаги или вещи, по которым можно будет выйти на родственников малютки. Кто эта женщина? Что с ней случилось? Как она оказалась в этом лесу? На все эти вопросы не было ответов. Но, развязав узелок, старуха не нашла там ничего, кроме мотков цветных ниток, обрезков ткани и кулёчков с яркими бусинами. Захариха развернула недошитую вышивку. Золотые колосья пшеницы, красные маки, синие колокольчики разбегались по ней, а над ними порхали пчёлки и бабочки. Картина была настолько аккуратная и живая, что, казалось, вот-вот подует на ней ветерок и закачает головки цветов, бабочки замашут своими тонкими крыльшками, а пчёлы зажужжат и полетят собирать пыльцу. Захариха ахнула и покачала головой.

– Какая тонкая работа, – подумала она.

Затем она убрала всё обратно в узелок, завязала его и спрятала поглубже в сундук...

И вот сейчас та ночь стояла перед её глазами, как будто всё случилось только вчера. Захариха встала, подошла к кровати Надийки. Та спала, улыбаясь во сне. Старуха погладила её по голове, снова поправила одеяло и поцеловала в макушку.

– Что ж мне делать-то теперь, как поступить, миленькая ты моя?

Сердце щемила тоска, отдёрнув занавеску, Захариха выглянула в окно, и тут же услышала со стороны леса вой волков, как будто те напоминали, что они здесь, что они рядом...

Девочка росла здоровенькой и спокойной, не сильно беспокоя старуху. Захариха несколько дней ждала, вдруг объявится кто-то, кто будет искать малютку. Но никто так и не появился в их деревне. Деревенским Захариха появление девочки объяснила тем, что умерла дальняя её родственница, а девочка осталась сиротой, и ей пришлось забрать её к себе. Времена были тяжёлые, голодные, и поэтому ни у кого не возникло никаких подозрений, все поверили её словам. Захариха сходила к старосте и приписала Надийку, как свою внучку. Надюшка, как назвала её Захариха, бабушку свою любила безоглядно, росла она девочкой ласковой и шустрой, любила петь и часто заводила песню, но только так, чтобы никто не слышал, кроме бабули, при чужих стеснялась. Но кроме бабушки были у неё и ещё одни слушатели. Это были её спасители – волки. А встретились они так.

Было тогда Надийке лет пять. В один из дней они с бабуней пошли в лес, девочка прыгала по тропинке, резвилась и смеялась, и вдруг остановилась и воскликнула:

– Ой, бабуся, смотри, какой щеночек миленький!

Не успела Захариха сообразить, как девчушка подхватила кутёнка на ручки и прижала к себе, целуя промеж ушей. В то же время из кустов, глухо рыча, вышла волчица, а за ней ещё несколько щенков – волчат. Волчица остановилась, нюхая воздух, и пристально глядя на девочку. Захариха ринулась наперерез волчице, но тут её опередил большой волк, вышедший из тех же кустов. Надийка, не моргая, смотрела на волков, всё так же не выпуская из рук волчонка. Остальные волчата тут же подбежали к девчушке и окружили её, она опустила

на траву и принялась трепать каждого по шёрстке, гладить и ласкать. Те млели и повизгивали от удовольствия, лизали ей щёки и руки. Взрослые волки легли на траву, наблюдая за малышкой. Они узнали Надийку. Они запомнили её запах. Это была их девочка. Захариха, выйдя из ступора, на ватных ногах подошла к внучке, присела рядом. Волчата тут же начали баловаться и играть возле неё. Волки же спокойно наблюдали за всем этим. Они положили свои морды на передние лапы, и, казалось, даже задремали. С тех пор началась их дружба. Каждый раз, когда они с бабушкой шли в лес, Надийка непременно просила бабусю не забыть захватить лакомство для её друзей-волков.

Шло время. Девочка росла умненькой и развитой. Особенно же любила она рисовать. Часто замечала Захариха, как та подолгу разглядывала со вниманием листочки растений, цветочки, букашечек и пейзажи, окружающие их жильё. А после рисовала всё это углём на дощечке, усердно выводя каждую чёрточку, и получалось у неё просто восхитительно. И вот, в один из дней, когда Захариха вошла с огорода в избу, она остановилась у порога, да так и обмерла, увидев Надийку. Девочка сидела у раскрытого сундука, и, разложив на коленях ткань, внимательно рассматривала ту самую вышивку, которую Захариха нашла в давнюю осеннюю ночь Надийкиного рождения возле её умершей матери.

– Бабуся, смотри, что я нашла в сундуке, а откуда у тебя такая красота?

Старуха молча развернулась и вышла из комнаты. Девочка же, увлечённая своей чудесной находкой, даже не заметила того, что бабушка ей не ответила.

ГЛАВА 3

В тот же вечер Надийка дошла найденную ею в сундуке вышивку, и сделала это так искусно, что не различить было, где заканчивалась работа одной мастерицы и начиналась работа второй, до того все стежки были ровными и одинаковыми, аккуратными и неотличимыми друг от друга. И вот теперь Захариха лежала в постели без сна, ворочаясь с боку на бок, и думала, что же ей делать...

На могилку к матери Надийки они ходили вдвоём, убирались, приносили цветы, но Захариха молчала о том, кто там похоронен, а Надийка, поначалу спрашивающая о том у бабуси, постепенно привыкла, что бабушка отмалчивается, и перестала приставать к ней.

– Значит, так надо, – думала она.

И каждый раз, как только они приходили на могилку, благо она была сокрыта от людских глаз, тут же на поляне появлялись и волки. Они ложились в стороне и наблюдали за людьми. Место здесь было глухое, хоть и недалеко в лесу, а всё ж таки и не близко от человеческого жилья, да и на сокрытой тропке, отрезанной от остального леса глухой стеной старых разлапистых елей и густого колючего кустарника да сухостоя, словно в сказке про спящую красавицу, в которой замок её за какие-то считанные минуты опутали вдруг непроходимые кусты шиповника, высотой в человеческий рост. Через какой-то, одной Захарихе ведомый лаз, продирались они сквозь эту толщу и выходили на небольшую полянку, посреди которой росла, как лесная королева, одна единственная старая огромная ель. С древних лап её свешивались мхи, а весь ствол покрыт был глубокими трещинами, словно лицо старого человека – морщинами. Под этой-то елью и была могилка.

Чуть в стороне пробегал ручеёк, его не видно было среди кустарника, но чувствовалась влага, стоявшая в воздухе, и запах близкой воды. Здесь всегда было сумрачно, даже в самый жаркий и солнечный летний день, и очень-очень тихо, будто все звуки жизни оставались там, за стеной деревьев-исполинов, здесь же было царство тишины, покоя и древних мхов.

А в последний раз, когда Захариха с Надийкой сидели под широколапой елью возле холмика, девочка неожиданно снова задала свой вопрос:

– Бабуся, а кто здесь похоронен, в этой могилке? Когда я сюда прихожу, то мне так тепло становится вот тут, под сердцем, и плакать хочется...

Захариха вздохнула тяжело, обняла девочку и сказала:

– Я всё тебе расскажу, моя милая, всё, только немного попозже, хорошо?

– Ты всегда так говоришь, – надула губки Надийка.

– Погоди маненько, не время ещё, – погладила её по голове старуха.

– А когда же оно придёт, это время?

– Бог укажет, – только и ответила Захариха.

Захариха поднялась с постели и вышла во двор. Ночь была такая лунная и светлая, что кругом было видать всё, как днём. Яркий рожок полумесяца висел над избой, будто нарисованный на картине, а под ним раскинулся лес, тянущий к небу свои тонкие корявые руки-ветви с сухими пальцами-сучками. Всё было каким-то тревожным, беспокойным, таким же, как и мысли старухи. Ветер настороженно шелестел листвою яблонь в саду и ворошил солому на крыше, шепотки кралась по траве, по стенам избы, по притаившимся в кустах невидимкам, тем, кому не положено показываться взору человеческому.

Захариха поёжилась от ночной прохлады, и, поплотнее запахнув тёплый платок на груди, присела на завалинку. Тут же за углом избы послышалось шуршание, и, повернув голову, старуха увидела тень. Та быстро шмыгнула к ней и встала рядом.

– А-а-а, это ты пришёл? – прошептала Захариха, – Ну, поди, поди сюда.

Из темноты вышел на лунный свет большой волк. Она протянула к нему руку, и положила ладонь на его лохматую голову, провела по шерсти, потрепала промеж ушей, и заплакала.

– Что же делать-то теперь? Рассказать, что не родная она мне?

Волк положил свою морду ей на колени и вздохнул глубоко. Захариха вытерла слёзы и сказала:

– Ну что ж, придётся, видать, рассказать. Знать, время пришло.

Волк поднял на старуху свои умные глаза, словно соглашаясь с ней. Они поглядели друг на друга, и Захарихе показалось, что волк поддерживает её, и говорит: «Правильно ты решила». Она поднялась с завалинки, и пошла в дом. Волк, дождавшись, пока старуха скроется за дверью, тут же бесшумно скрылся в тени дома, завернул за угол избы и побежал в сторону леса. Отбежав от двора на приличное расстояние, он остановился, оглянулся назад, поднял морду к луне и завыл, исполняя свою ночную песню. Этот вой и услышала Захариха, и почему-то он принёс ей успокоение.

Спала ли в эту ночь Захариха, она не поняла. Ей показалось, что она только сомкнула на миг глаза, как тут же и пропели петухи, а в окнах забрезжил рассвет. Нужно было подниматься и доить козу. Захариха вновь тяжело вздохнула, и, поднявшись на ноги, перекрестилась, сотворила молитву, и отправилась к рукомойнику умываться. Начинался трудный для неё день. Подоив козу, Захариха принялась за оладьи, чтобы позавтракать с внучкой оладушками с парным молочком. Дразнящий, душистый аромат поплыл по всей избе. Надийка не заставила себя долго ждать, шлёпая по полу босыми ногами, она прибежала из своей спальни к бабусе.

– М-м-м, бабуся, как вкусно пахнет! Ты блинков испекла?

– Проснулась, моя ягодка? Испекла-испекла. Ну, беги, умывайся, да завтракать станем.

Надийка, тряхнув своими длинными косичками, побежала умываться. Они попили молока с оладьями, затем Захариха принесла из сенцев корзинку и сложила в неё крынку молока, огурчики, редиску, завернула в чистое полотенце оладушек, добавила несколько яблок и две больших картофелины, сваренных накануне.

– Собирайся, милая, пойдём в лес, – позвала она внучку.

С корзинкой в руках она вышла во двор. Надийка выбежала следом за бабушкой на крылечко, повязывая на ходу беленький платочек. Захариха взглянула на девочку, и поняла, что это та самая вышивка, которую Надийка вышивала накануне.

– Бабуся, – весело залепетала она, – А можно я повяжу на голову эту косыночку?

Захариха молча кивнула в ответ, и вновь тяжесть легла на её сердце. Они вышли за ворота, и пошли в сторону леса. Ох, как же тяжело давался старухе каждый шаг, её сердце трепетало, словно птичка в клетке. И чем ближе они подходили к лесу, тем сильнее оно стучало в груди.

ГЛАВА 4

По дороге к лесу Надийка нарвала целый букет полевых цветов, складывая их цветочек к цветочку. Она перебежала от одной травинки к другой, кружилась, пела и смеялась, а у старухи на сердце повис тяжёлый камень. Она молча наблюдала за тем, как Надийка склоняется к цветам, вдыхает их аромат, порой чихает от сладкой пыльцы, что остаётся на её носу жёлтыми пятнышками, как она аккуратно и бережно собирает яркие соцветия алых гвоздичек и синих колокольчиков, сиреневые шарики короставника и голубой цикорий, ярко-жёлтые воздушные облачка медовника и кувшинчики льнянки, белоснежные ромашки, головки дикого лука и розоватый тысячелистник. Букет получился большим и пёстрым.

И вот, спустя с четверть часа, они пришли к месту. Здесь, в царстве старой королевы ели, как обычно было тихо и сумрачно. Лишь слышалось журчание ручейка и пахло сырой землёй. Захариха присела передохнуть после пути, а Надийка принялась убирать старую траву, которой заросла могилка и сухие ветви, что нападали сверху. Девочка убрала пожухлый букет, что лежал у креста, и положила новый, разгладив каждый лепесточек и придирчиво оглядев со всех сторон – ладно ли получилось. Захариха тем временем расстелила в стороне старенькую скатёрку, что захватила она с собою из дома, и разложила нехитрую снедь из своей корзины.

– Пойдём-ка, милая, перекусим с тобой.

Но только они с внучкой принялись за трапезу, как тут же в кустах послышалось потягивание.

– О, пришли! – воскликнула Надийка, – А мы вам гостинец принесли.

Она разложила вяленое мясо на траве перед кустами и отошла обратно к бабушке. Из-за ветвей можжевельника показались волчьи морды. Звери, осторожно ступая, вышли из укрытия, обнюхали угощение и аккуратно принялись за еду. Покончив с трапезой, волки прилегли тут же, возле людей, положив морды на широкие свои лапы и вздыхая, как будто понимая, что что-то должно произойти нынче. Наконец, Захариха собралась с духом и вымолвила:

– Сядь-ка, внучка...

– Чего, бабуся?

– Я кое-чего рассказать тебе хочу. Помнишь, ты спрашивала меня, кто здесь похоронен?

И старуха начала свой невесёлый рассказ. Надийка слушала её, не моргая, глядя на бабушку округлившимися глазами, полными слёз. И как только Захариха закончила своё повествование, Надийка встала с места, подошла к могилке, опустила на коленки, обняла её своими ручками и, плача, тихонько запела. О чём она пела, никто не знал, знало только её сердце, которое рвалось сейчас на части. Захариха тоже заплакала. Волки поднялись, и, подывая, и тихонько повизгивая, беспокойно закружились друг возле друга.

Надийка подошла к волкам, обняла их и поцеловала их умные морды. Те положили головы ей на плечи, глядя на Захариху.

– Спасибо вам, я вас никогда не забуду, – прошептала девочка.

Затем Надийка подошла к старухе, взяла её ладони в свои, поцеловала их, прижалась к ней:

– Бабуся, – и опять заплакала, – Пойдём домой.

Старуха собрала свой скарб в корзинку, Надийка поклонилась могилке матери и волкам, и, не оглядываясь, пошла прочь из леса.

Всю дорогу до дома девочка молчала, а придя домой, сразу же ушла к себе в комнату, легла на кровать и не выходила целый день. Захариха её не беспокоила, она принесла ей молоко и хлеб, но девочка ни к чему не притронулась. Так и прошёл весь день. Вечером, войдя в комнату к внучке, старуха увидела, что та с мокрым от слёз лицом уснула, сжимая в руках выши-

тую салфетку с маками и золотыми колосьями пшеницы. Захариха вздохнула тяжело, укрыла девочку одеялом, поцеловала, благословила, и тихо прошептала:

– Утро вечера мудренее, завтра будет новый день.

Утром следующего дня Захариха проснулась с неведомым чувством облегчения, на сердце её было тихо и спокойно, и она поняла, что поступила правильно, рассказав Надийке о её матери. Она поднялась с постели, и неспешно направилась в комнату внучки, кряхтя и разминая затёкшую за ночь больную спину. Заглянув к девочке, Захариха увидела, что та сидит за столом у окна и что-то с усердием, высунув язычок, рисует угольком на дощечке.

– Внученька, ты уже встала? – ласково спросила Захариха, подойдя ближе и пригладив рукой волосы девочки.

Надийка подняла на бабушку своё личико, веки её были припухшими, и старуха поняла, что ночью она вновь плакала.

– Бабуся, смотри! – девочка протянула бабушке свою дощечку и та ахнула. С рисунка глядело на неё лицо той женщины, которую она похоронила в лесу.

– Кто это? – слабым голосом спросила она у внучки.

– Это моя мама, – ответила девочка, – Я видела её сегодня во сне и вот, по памяти, нарисовала. Похожа, бабуся?

– Похожа, – вздохнула старуха и присела на кровать.

Надийка подошла, присела рядом, и, прижавшись к бабушке, спросила:

– Бабуся, а как ты думаешь, что в её жизни случилось?

– Не знаю, милая, – покачала головой Захариха, – Времена были тяжёлые, что уж там да как получилось, я не знаю.

Надийка посмотрела внимательно в её глаза и произнесла:

– Бабуся, я кушать хочу.

– Ох, я дура старая, – всплеснула руками Захариха, – Идём-ка завтракать!

Старуха рада была тому, что девочка оживает и начинает приходить в себя после перенесённого потрясения. Целый день Захариха гадала, чем бы ей занять внучку, чтобы та не думала лишний раз о горестном, и не переживала о маме. Но девочка сама нашла себе занятие. Захариха ушла в огород, занялась своими делами, а когда вернулась, то увидела, что девочка сидит, склонившись над вышивкой у окна.

– Что это там у тебя, милая?

– Да вот, бабуся, вышиваю, – и Надийка протянула ей свою работу.

Захариха взяла платочек в руки, рассмотрела узор и цветы, что раскинулись по нему и подивилась.

– Красиво как, – похвалила она внучку, – И как ты это придумала?

– Не знаю, бабуся, – пожала та плечиками, – Как-то само вышло.

С того дня Надийка уже и дня не могла прожить без того, чтобы не сесть за своё любимое занятие. Она вышивала скатёрки, салфеточки, рушники, благо ткани у Захарихи были в запасе, и Надийка вытаскала их потихоньку из большого бабушкиного сундука.

– Пора бы и на ярмарку идти, за тканью, – подумала про себя как-то раз старуха, открыв свой сундук и увидев, что он практически пуст, не осталось ни ниток, ни ткани, – Вот, в эту субботу и отправлюсь.

ГЛАВА 5

В субботнее утро Захариха поднялась ранёхонько, ещё до свету. Сегодня в соседнем большом селе будет ярмарка, съедутся на неё люди из разных деревень, кто продавать, кто покупать, а кто и просто поглазеть да языком почесать придёт. Недаром ведь эти ярмарки в народе праздником называли, так и говорили промеж собой: «В субботу на праздник-то идёшь?», «На празднике-то нынче слышал, что было?», «Тётку Дарью видела я на празднике давеча, так она мне сказывала...»

Проходила ярмарка на широком лугу, что аккурат возле села располагался, тут приволье было для всех – и лошадок есть, где распрячь да отпустить пастись на солнечной поляне, и самим отдохнуть можно под тенистыми деревьями, что окружали луг со всех сторон, и меж рядами есть, где разгуляться, широко тут, всё ладно. А чуть в сторонке деревянный настил сделан, вроде площадки – там танцы да пляски под гармонь устраивают. Возле площадки столы накрыты, с самоварами да баранками – ешь, пей, кто хочет. А кому послаще хочется, так иди в ряды, там вон женщины торгуют пряниками печатными, леденцами, сахарком белоснежным, вареньем домашним из малины рубиновой да крыжовника изумрудного, из яблок румяных да груш золотых, из ирги тёмной да смородины агатовой, пастилой душистой да калиной на меду. Много вкусного у тётушек. Да и чего только нет на той ярмарке – и платки цветастые, и носки вязаные, и варежки узорчатые, и шали пуховые, и ткани всяческие, и бусы из цветных стёклышек. В другом ряду грибы да ягоды, орехи да травы лечебные – все дары леса. Дальше яйцами торгуют да творогом, молоком да мясом, мёдом да овощами из своего огорода. Хороша ярмарка, ничуть не хуже городской! Туда-то и направилась нынче Захариха.

Она поцеловала спящую Надийку, будить не стала – с вечера уж предупредила, что уйдёт на базар. Завтрак на столе оставила. Присев на дорожку, Захариха ещё раз поправила белоснежный платок на голове, нарядную юбку, задумалась. Затем подошла к сундуку, открыла крышку, взяла из него несколько салфеток, которые вышила Надийка, положила их в свою корзину и пошла на ярмарку. Захариха неспешно шла по дороге, вдоль которой росли раскидистые берёзы, стройные тополя, разлапистые ели, тонкие рябинки, а под ними полевые травы, покрытые ещё ночной росой. Кругом было свежо и радостно, солнце поднималось над миром, щебетали птицы и время от времени мимо проезжали телеги, направляющиеся на ярмарку в село. Люди останавливались, махали Захарихе, приглашали подвезти, да она отказывалась. Старухе хотелось побыть в одиночестве и за время пути привести в порядок мысли, и обдумать, как жить дальше. Она понимала, что у Надийки есть дар, талант к шитью да рисованию, и ей нужно учиться, но где взять денег на это, Захариха не знала.

Спустя какое-то время впереди показалось село. Солнце уже высоко стояло на безоблачном голубом небе, лучи его обогрели землю. Кругом было шумно и весело. Кумушки болтали, обсуждая новости, мужики радостно приветствовали друг друга и раскуривали козью ножку. Захариха же направилась в те ряды, где торговали скатертями да салфетками, половичками да полотенчишками, нарядными наволочками да подзорами. Она ходила между прилавками и, смущаясь, думала, кому же и как предложить ей Надийкину работу.

И тут вдруг она услышала обращённый к ней мужской голос:

– Бабушка, может, тебе помощь нужна? Я вижу, ты мимо меня уже в который раз проходишь. Ты, может, ищешь чего, так я помогу.

Старуха обернулась на голос и увидела молодого мужчину, с открытым и приятным лицом.

– Да нет, сынок, – замялась Захариха, – Тут такое дело...

– Ну, говори же, что там у тебя, не стесняйся, – подбодрил её мужчина.

Старуха вытащила из корзины салфетки и положила их на прилавок перед мужчиной.

– Вот, милоч.

Тот развернул салфетки и ахнул:

– Вот это красота! Это ты, бабушка, вышиваешь? Твоя работа?

– Нет, сынок, это внучка моя рукодельничает.

– А ты не продашь мне их? – спросил вдруг мужчина.

У Захарихи сердце прыгнуло в груди и ухнуло куда-то вниз:

– Продам, милоч, а сколько дашь за них?

– Хорошую цену, бабушка, дам, не обижу, – он достал из-за пазухи кошель и, вынув деньги, протянул старухе.

– Так ты что, все забираешь?

– Все-все, бабушка, возьму, – и, взяв Захариху за локоть, мужчина наклонился к ней и горячо зашептал, – Ты, бабушка, в другой раз, ежели внучка ещё что-нибудь вышьет, ни к кому не ходи, сразу ко мне иди, я всегда на этом месте стою. Меня Корнеем звать. Я у тебя всё буду покупать и деньгами не обижу.

Захариха кивнула, и, радостно завернув деньги в платочек, спрятала узелок за пазуху, и поспешила по своим делам. Ей так хотелось порадовать Надийку! Прежде всего купила она ярких шёлковых нитей для вышивания и белой ткани. Затем взяла сладостей и две цветных ленточки для волос, и поспешила в обратный путь.

Всю дорогу сердце её ликовало, она предвкушала, как обрадуется сейчас внучка её подарочкам! Захариха и не заметила, как пролетела дорога и впереди уже показалась родная изба. Надийка уже дожидалась бабушку у калитки, сидя на скамейке. Завидев её издалека, девочка тут же подскочила с места и побежала навстречу по тропке.

– Бабуся! Воротилась? А я уж о тебе волноваться, было, стала.

– Да чего обо мне волноваться, куда я денусь? – засмеялась Захариха, и поцеловала внучку в макушку, – Ты-то как?

– Я хорошо, бабуся, я нам кашу сварила и полы вымыла в избе.

– Ой, да какая же ты молодец! – похвалила её старуха и они направились в дом.

Войдя в избу, Захариха вынула из корзины свои покупки, и, довольной улыбаясь, разложила их на столе.

– Бабуся, какие нитки! – запрыгала, хлопая в ладоши, Надийка, – Это мне?

– Тебе, кому же ещё, поскакушка? – засмеялась старуха.

– Ой, спасибо тебе, бабунечка, – кинулась Надийка целовать бабушку.

– Ну, надо же, – подивилась про себя Захариха, – Даже на сладости внимания не обратила, ни на пряник, ни на ленточки цветные, а сразу же схватилась за нитки.

– Надийка, – сказала она вслух, – Сядь-ка со мной рядышком, что я тебе скажу.

– Что, бабуся?

– Я сегодня без твоего разрешения несколько вышивок твоих взяла, да на ярмарке их нынче продала.

– Правда? Так вот откуда все эти подарки? Вот здорово!

– Ты послушай, что дальше скажу, продавец Корней мне так сказал, ежели ещё будут салфетки, то приносить велел, он всё покупать будет.

– Бабушка, вот радость-то! – захлопала в ладошки Надийка, – Так ведь у меня их много ещё, вот погляди.

И девочка, сбегав в свою комнату, принесла старухе ещё целую стопку своих работ.

– А теперь я ещё краше картинок вышью, на новой ткани да с такими нитками яркими!

Захариха улыбнулась.

– Вот и ладно, внученька, вот и хорошо. Глядишь, и проживём. А дальше жизнь покажет, что да как.

ГЛАВА 6

На следующее утро Захариха поднялась в благостном расположении духа, на сердце у неё было светло и радостно. Приготовив на стол, она пошла, было, будить внучку, да увидела, что та уже не спит, и, сидя на полу в своей светёлке, сосредоточенно что-то чертит на расстеленной по полу белой ткани.

– С добрым утром, миленькая, а что это ты там делаешь?

– Доброе утро, бабуся, да вот новую работу начала.

– А что же это будет?

– Что-то будет, бабунечка. Сама пока не знаю что, что-то красивое, но печальное, – пожалала плечами Надийка.

Захариха ничего не поняла, хмыкнула удивлённо, покачала головой, да позвав девочку к столу, направилась обратно в кухню.

Прошло две недели. Всё это время Надийка сосредоточенно и старательно расшивала ткань. Захариха не спрашивала, какой там рисунок, только заметила, что нитки у девочки всегда лежат белые, голубые и сероватые.

– Странно, – думала она, – И зачем ей такие цвета? Ведь она любит яркие, живые краски, бабочек, а тут такие бледные, блёклые, чуть ли не цвета ткани.

Но спросить о том саму Надийку старуха отчего-то не решалась, девочка выполняла свою работу как-то очень печально, и временами видела Захариха случайно, как она и вовсе утирает носом слезинки с глаз, так, чтобы не заприметила бабушка.

И вот, спустя две недели, Надийка подошла к Захарихе и спросила:

– Бабушка, погляди-ка, ладно ли получилось?

Они растянули ткань, и Захариха увидела, что размером она в человеческий рост и расшита жемчужными, голубыми, серыми тонами, словно небушко с облачками. Захариха странно поглядела на эту работу, задумалась, словно почуяв что-то тревожное, но что именно, она понять не могла, и чуть помолчав, спросила внучку:

– Надийка, а что это?

– Не знаю, бабуся, – тихо ответила та, – Оно как-то само пришло, вот отсюда.

И девочка прижала ручку к груди, там, где было сердце.

– Грустно очень.

– А для чего ты это вышила?

– Не знаю, только я точно чувствую, что скоро эта вещь понадобится.

– Понадобится?

Захариха села на стул и призадумалась:

– Для чего оно может понадобится? Может быть это постельное будет? Простыня? Нет, слишком узко для простыни. Или может это скатерть будет? Тоже не похожа. Ну да ладно, придёт время и узнаем, когда положено будет.

А Надийка тем временем унеслась в свою светёлку, и спустя мгновение старуха услышала, как защёлкали ножницы.

– Ага, знать за что-то новое принялась. Вот и ладно. А то странная она какая-то сделалась с этой последней работой, пусть отвлечётся.

Захариха отпарила оставленную на столе вышивку, перекинула её через спинку своей кровати, что стояла у двери, да пошла в огород.

На следующее утро, едва только успели Захариха с Надийкой позавтракать, как раздался стук в дверь. Стук был не сильным, но каким-то тревожным и сердце старухи заныло, пока шла она до сенцев, чтобы отворить. Когда она распахнула дверь, то увидела на пороге ближайших своих соседей, мужа и жену, Глафиру и Николая. Захарихин-то дом стоял чуть поодаль

от остальных, почти у леса, а эти люди жили в самом первом доме в деревне, и к Захарихе были ближе всех. На женщине не было лица, казалось, что если бы не муж, поддерживающий её под локоть, она бы сломалась с хрустом, как тростинка, и рухнула бы на крыльцо.

– Глафира, Николай, здравствуйте! – поприветствовала их Захариха, холодея внутри, – А вы чего это? Случилось чего?

При этих словах старухи Глафира вдруг вздрогнула и, подняв свои тёмные красивые глаза, зарыдала в голос. Захариха перепугалась:

– Господи помилуй, да что же это? Заходи, заходи, Николай и жену заводи. Вот так, вот сюда, давай-ка ко мне на кровать её, вот эдак, ага.

Когда женщина чуток успокоилась, а Николай, сидевший всё это время на стуле, нахмурившись и опустив глаза, привстал, то оба они заговорили разом:

– Бабушка, горе у нас. Пойдём к нам. Сыночек наш единственный, Ванюшка, умер.

Захариха побледнела и прижала ладонь к губам:

– Да как же это?...

– Он на конюшню пошёл зачем-то ночью, и что ему там надо было, того не ведаем, а конь наш Орлик, вдруг словно взбеленился, брыкнул и ударил его копытом, да аккурат в висок попал. Одним ударом... Да ведь конь-то смирный, как так произойти могло, мы и не ведаем.

И оба расплакались в голос, а старуха стояла, и, молча глядела на них, утирая слёзы и не в силах вымолвить ни слова. Она обняла Глафиру и стала гладить её по голове, утешая и успокаивая.

– Ты не можешь, бабушка, к нам подойти? – еле выдавил Николай, – Обмыть надо парня, да молитвы почитать какие полагается.

– Конечно, конечно, милые вы мои, сейчас и пойдём, – закивала Захариха.

– Бабуся, – раздался вдруг позади тихий голосок Надийки.

Все обернулись на девочку, а та, не говоря ни слова, указала рукой на ткань, что до сих пор была перевешена через спинку кровати. Захариха прижала к губам платок, и сердце её дрогнуло – так вот для чего она эту ткань вышивала, в рост человека.

– А что это у вас? – Глафира приподнялась к кровати, и, схватив ткань, развернула её.

Когда же она увидела вышивку, то заплакала вновь.

– Бабушка, умоляю тебя, продай мне её, я хочу, чтобы сыночка моего покрыли этим покровом. Николай, ты погляди, погляди, ведь это же небушко настоящее! Пусть наш Ванюшка с этими небесами и лежит, ведь он такой же светлый был, голубоглазый, и люди его любили все, хороший он был у нас.

И она безутешно зарыдала навзрыд.

Захариха глянула на внучку, и та кивнула ей в ответ, в глазах девочки застыли слёзы. Она развернулась и ушла к себе в комнату.

– Хорошо, Глафира, забирай, – ответила Захариха, – Да ступайте. А я сейчас соберусь и приду к вам.

Глафира с мужем ушли, прикрыв за собой дверь. Вскоре, поспешно собравшись, убежала и бабушка.

Надийка сидела у себя на кровати, уставившись в одну точку, и прислушивалась к своему сердцу. Она давно уже поняла, что её сердце предчувствует что-то, знает. Если ей радостно и хорошо, значит и вокруг, с людьми, которых она знала, всё ладно будет. Если на душе у неё тяжело, то значит – быть беде. Она встала, умылась, и подошла к окошку. За окном стустились тучи, начинал накрапывать дождь, серый, тёмный и густой. Завтра деревня будет плакать...

Захариха пришла поздно вечером, когда уже стемнело, она подошла к девочке, обняла, поцеловала её в макушку, и, протянув ладонь, раскрыла её – на ладони лежали денежки.

– Это тебе от тёти Глаши за покров для Ванюшки.

Захариха помолчала, внимательно глядя на внучку, а потом спросила:

– А ну-ка, погляди на меня, внученька. Скажи-ка мне, а как ты это почувствовала? Ты же две недели назад начала вышивать этот кусок ткани.

– Не знаю, бабушка, вот оно почувствовалось, – и девочка вновь прижала к сердцу ручку, и, обняв бабушку, заплакала.

Ночь была тяжёлой. Надийка металась всю ночь по подушке, и старухе даже показалось, что она заболела. Она что-то бормотала, крутилась и постоянно скидывала одеяло. Да и сама Захариха спала тревожно, всё вспоминалась ей мать девочки, которую она похоронила, думалось ей – правильно ли она поступила, быть может, следовало позвать народ, а не скрывать произошедшее? В коротком беспокойном сне к утру ей приснилась мать Надийки, та поклонилась ей, помахала рукой и, улыбнувшись, растворилась в небесах белой дымкой.

Утро было серым и пасмурным, ночной дождь всё так же лил, не прекращаясь. Захариха тяжело встала, вздохнула, перекрестилась. Надо было идти на похороны.

– Бабуся, я с тобой пойду, – раздался голос Надийки за спиной.

– Господи, да зачем тебе туда?

– Надо-надо, бабуся.

– Ну, коли надо, то пойдём.

Захариха снова тяжело вздохнула, повязала Надийке на голову такой же, как и себе, тёмный платок, и они, выйдя из избы, направились к дому покойного.

ГЛАВА 7

Чем ближе Захариха с Надийкой приближались к кладбищу, тем тяжелее становилось на сердце у старухи, словно предчувствовала она что-то, что должно произойти будет там, среди унылых могильных холмиков и серых, промокших от дождя, деревянных крестов. И всё кругом было серым, дождь лил со вчерашнего вечера, не прекращаясь ни на минуту. Дорогу и тропки развезло, склизкие комья глины приставали к обуви, липли брызгами к одежде, чавкали под ногами. Большие лужи пузырились, дышали – значит дождю ещё нет конца, и будет он идти долго. Бревенчатые избы потемнели от влаги, сощурили глаза-окна, по которым стекали капли дождя, похожие на слёзы. Собаки попрятались в свои убежища, и одни носы их выглядывали из конуры наружу. Деревенские коты сдали свои позиции на плетнях и перебрались в избы да хлева, поближе к тёплой печи или ворошистому духовитому сену, в которое можно было зарыться и переждать непогоду и сырость. Дождевые капли нанизались на паутины в углах, под крышами домов, прозрачными драгоценными камушками, словно стеклянные бусы на тончайшей нити, сплелись в узоры, повисли на соцветиях и лепестках трав, застыли на шершавых ладонях репейника. Всё кругом пропитано было влагой, сыростью и запахом мокрой земли – тем самым духом рождения и увядания, жизни и смерти одновременно.

На улицах было безлюдно, весь народ собрался на погосте, чтобы проводить в последний путь Ванюшку, молодого парня, которому не было ещё и двадцати. Захариха молча шла, наблюдая за Надийкой. Девочка крепко сжала кулачки и губы, глаза её потемнели, вся она была сосредоточена и собрана.

– Что же с ней такое происходит? – не могла понять Захариха, – Зря я ей стала потакать и уступила её просьбе, нечего ей делать на кладбище. Ну, да что уж теперь? Не назад же поворачивать.

И они продолжали идти по дороге, что вела на погост. Вот уже показались и кресты, и толпа народа, что собралась у открытой могилы. Вся деревня была здесь сегодня. Ванюшка хорошим был парнем, все его любили. Захариха с Надийкой тихонечко подошли и встали позади людей. Но девочка, постояв мгновение, начала вдруг пробираться зачем-то сквозь толпу. Старуха удивлённо поглядела ей в спину, оставшись стоять на месте и ничего не понимая. Надийка вышла вперёд всех, и встала возле самых близких людей, что окружили гроб и могилу. Девочка внимательно и сосредоточенно обводила взглядом тех, кто стоял ближе всех ко гробу – вот мать и отец, плачут безудержно, вот батюшка-священник, который должен сейчас отпеть Ивана, а вот девушка его Марийка, громче всех кричит и причитает над мёртвым женихом.

Именно на ней остановила Надийка свой взгляд. Девочка пристально разглядывала её лицо, и чем больше она на неё смотрела, тем сильнее темнели её глаза. Захариха смотрела на внучку, не понимая, что та делает и зачем. Тем временем батюшка склонился к матери Ванюшки, Глафире:

– А крест нательный на него надели?

– Ой, батюшка, – спохватилась женщина, подняв на священника опухшее от слёз, измученное лицо, – Тут знаете что случилось-то... Креста-то мы дома и не нашли. Ванюшка никогда креста не снимал, только в бане разве, да и то, ежели забудет надеть, сразу обратно бежал, даже если ночь на дворе. А в этот раз, ну нигде нет крестика, весь дом обыскали! Отец уж хотел, было, свой положить ему в гроб, да бабушки подсказали, что нельзя так делать.

– Да, так нельзя делать, – кивнул священник.

Люди вокруг зашептались, закачали головами, недобрый это знак. И вдруг в наступившей тишине раздался звонкий голос Надийки:

– Отдай, что взяла!

Люди вздрогнули. Мать и отец Ванюшки обернулись, увидели Надийку. Глафира подошла к девочке, и обняв её, заплакала.

– Ну что ты, миленькая? Что ты, деточка? Кому ты это говоришь? Что отдать?

– Она знает. Отдай, что взяла! – вновь громко и чётко повторила Надийка.

Захариха торопливо принялась пробираться сквозь толпу к девочке. Подбежав к внучке, она затрясла её за плечи:

– Надийка, ты что? Что с тобой происходит? Очнись!

– Подожди, бабушка, и ты, тётя Глафира, подожди.

Она подошла вплотную к Марийке, подняла на неё снизу вверх потемневшие глаза, и вновь повторила в тишине свои слова:

– Отдай, что взяла! Ты уже сделала своё чёрное дело.

Глаза Марийки забегали, руки затряслись, она заметалась:

– Что я взяла? Что я взяла? Я ничего не брала.

– Ты знаешь, что ты взяла, отдай родителям, – громко и твёрдо сказала Надийка, – Не гневи Бога, не то не будет тебе покоя ни на том, ни на этом свете. Ты и так прокляла свою душу навсегда. Не будет тебе теперь ни счастья, ни удачи.

– Ты что, проклинаешь меня? – с вызовом спросила Марийка.

– Нет, я не проклинаю, – покачала головой Надийка, – Я просто рассказываю тебе, что с тобой дальше произойдёт.

Бабы заохали, прижали платки к губам, священник закрестился, слушая их разговор.

Марийка продолжала отнекиваться, отпираться, и уже готова была кинуться в драку на ненормальную девчонку. Она была на две головы выше неё и понимала, что вполне справится с этой нахалкой. Но только она занесла руку, как раздался низкий глубокий голос:

– А ну, не тронь! Отойди!

Все обернулись. Бабы вздрогнули, закрестились, мужики отошли в сторонку с опаской. В стороне стоял высокий мужчина. Это был житель их деревни по имени Влас. Люди побаивались его. Был он человек пришлый, нелюдимый, ни с кем дружбы не водил, но и в помощи никогда никому не отказывал, ежели, кто нуждался, и деньги у него всегда водились.

– Ну, что глядишь? – строго спросил он Марийку, обойдя её кругом и пристально глядя на неё, – Отдавай, что взяла. Девочка тебе правильно говорит.

Марийка, не отводя глаз от пристального взгляда Власа, трясущимися руками полезла себе за пазуху, затем как замороженная, протянула вперёд руку и разжала кулак. На её ладони лежал нательный крест на гайтане.

– Господи! – вскрикнула Глафира, – Это же Ванечкин, Ванечкин крестик!

При этих словах, задрожав всем телом, Марийка бросила крест на землю, и кинулась бежать с кладбища вон. Отбежав немного, она поскользнулась на глинистой размытой тропке, упала ничком, но тут же поднялась, и, не задерживаясь ни на миг, бросилась прочь, не оглядываясь на людей, вся в грязи, мокрая и чумазая. Надийка наклонилась, подняла крестик, бережно отёрла его о подол своего платья, подала Глафире и сказала:

– Возьмите, это вашего Вани крестик. Она его украла, чтобы приворожить, поэтому и погиб ваш Ванюшка. Это она виновата в смерти вашего сына.

В тот же миг ноги девочки подкосились и она потеряла сознание. Влас успел подхватить её на руки, а затем быстро развернулся и пошёл прочь с кладбища с девочкой на руках. Захариха кинулась следом за ним, под оханья и аханья толпы.

ГЛАВА 8

Захариха бегом бежала за Власом, еле поспевая за высоким сильным мужчиной, который быстрыми шагами шёл к её дому, неся на руках маленькую, хрупкую Надийку. Девочка по-прежнему была без сознания и головка её болталась, словно у тряпичной куклы, а черты бледного личика заострились. Захариха была перепугана не на шутку, она не понимала, что происходит с её внучкой, то ли с девочкой случилось нервное потрясение, то ли... Захариха не хотела даже думать об этом – неужто у внучки проявились какие-то скрытые силы? Ведь это такая тяжкая ноша...

– Господи, – думала она, семеня за Власом, – Да ведь это ж такой крест – дар-то. Не всякий и выдюжит. Простому-то человеку куда проще жить, когда не знаешь, не ведаешь, живёшь себе под Богом. А тут... Ведь это навсегда.

С такими мыслями добрались они до дома. Захариха шустро отворила калитку, а затем дверь в сенцы:

– Проходи, проходи, Влас! Вот сюда.

– Куда положить её? – спросил мужчина.

– А вот сюда неси, сюда, Влас, тут её горенка. Вот, на кровать давай.

Влас осторожно уложил Надийку, подложив под голову подушку.

– Ты бы ей одежду поскорее сменила, – кивнул он Захарихе, – Вымокла она вся насквозь, не то заболит ещё. Дождь-то холодный какой.

– И то верно, правильно говоришь, – старуха растерянно суетилась возле внучки, в глазах её стояли слёзы.

Влас вышел из комнаты, а Захариха принялась скорёхонько стягивать с Надийки мокрое платье. Она передела внучку в сухое, укрыла одеялом, прислушалась к дыханию девочки, склонив голову к её груди. Надийка дышала ровно и старуха малость успокоилась. Тяжело вздохнув, она решила, что надо заварить отвар из малины и липы, да и мята с душицей не помешают, и направилась на кухонку, но, выйдя из комнаты тут же столкнулась с Власом, до смерти перепугавшись.

– Тыфу ты, напугал меня, – схватилась она за сердце, – Я-то ить думала, что ты ушёл давно.

– Ей отвар лечебный заварить надо, бабушка – коротко ответил мужчина, – Есть какие травы у тебя? Или я схожу к себе и принесу.

– Да вот я пошла как раз, – пробормотала старуха, махнув рукой в сторону кухонки.

– И воды холодной в миске принеси мне, да тряпицу какую чистую дай, – добавил он.

– Зачем?

– Лицо нужно Надийке обтереть.

– А-а, – закивала Захариха, – Сейчас-сейчас, я мигом.

Она принесла Власу всё, что он просил, и тот, придвинув к постели девочки стул, присел рядышком с нею, и принялся обтирать её лицо смоченной в воде ветошкой.

– Ты иди, бабушка, иди, готовь отвар, а я пригляжу за Надийкой.

Захариха снова растерянно закивала и вышла из комнаты.

Оглянувшись, Влас тихо зашептал слова, то ли молитвы, то ли заговора, продолжая протирать лицо Надийки. Оно оставалось всё таким же бледным, девочка не открывала глаз. Но через какое-то время она внезапно вздрогнула, зашевелилась, чихнула, и села в постели. В ту же минуту вошла и Захариха. Она радостно бросилась к внучке, обняла её и расцеловала.

– Миленькая ты моя, – заговорила она, – Как ты меня напугала!

– Бабуся, а что со мной было?

– Ничего-ничего, родимая, просто переволновалась ты, вот и всё. Это я виновата, что позволила пойти со мной. Неча было тебе делать на похоронах. Но теперь всё уже хорошо.

Надийка кивнула бабушке, и тут вдруг увидела Власа, стоявшего в углу, и молча смотревшего в её сторону. Она удивлённо вскинула на него глаза:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Надийка, – сказал Влас, – Как ты?

– Я хорошо, только холодно мне очень, замёрзла я, – ответила девочка, зябко поёжившись.

– Ничего, это бывает после первого раза, – кивнул Влас.

Захариха метнула на мужчину недоумённый взгляд, вопросительно посмотрела на него, но Влас отвёл глаза. и, шагнув к постели девочки, протянул руку, погладил её по головке и спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, а что ты почувствовала, когда падать начала?

– Как будто ударили меня по голове, вот здесь, – Надийка показала рукой на темя, – словно молнией. И так горячо стало, а потом темнота. А теперь вот наоборот – холодно мне очень, как зимой.

Влас понимающе закивал:

– Ну, ничего, всё хорошо будет.

Он оглядел комнату и задержал своё внимание на портрете, который нарисовала углём на дощечке Надийка, портрете её матери. И пока Захариха поила девочку отваром, он всё стоял и смотрел на изображение молодой женщины. Старуха, не показывая виду, молча наблюдала за Власом. Наконец, тот обернулся к Надийке и сказал:

– Что ж, поправляйся, завтра всё уже будет хорошо. А пока тебе нужно поспать.

Надийка тут же повернулась на бочок, заморгала сонно глазками, и мгновенно уснула. Захариха подоткнула ей со всех сторон одеяло, и, перекрестив, вышла вслед за Власом из комнаты девочки.

– А что это было, Влас? – спросила она его на крыльце.

Он бросил на старуху цепкий взгляд, помолчал, и сказал:

– Ничего страшного, ты не бойся, бабушка, с Надийкой всё будет хорошо. Постепенно всё узнаешь.

– Да что же узнаю-то?

– Всему своё время, – повторил Влас, и, помедлив, тоже задал вопрос, – Бабушка, скажи, а чей это портрет на стене висел?

– Это портрет, – начала Захариха, и осеклась...

Влас усмехнулся:

– Ладно, потом как-нибудь расскажешь. Я пойду. Если помощь нужна будет, ты не стесняйся, приходи, я всегда помогу.

Он погладил старуху по плечу и сказал:

– Спасибо тебе за Надийку, бабушка.

Затем круто развернулся и быстрым шагом зашагал прочь по тропке, что петляла меж высокой мокрой травы. Дождь наконец-то закончился, и небо стало проясняться, день уже клонился к вечеру, на западе сквозь серые тучи заалела полоска заката. Захариха долго ещё стояла на крыльце, глядя Власу вслед, и думала о том, что в их с Надийкой жизни наступают какие-то серьёзные перемены. Деревню накрыл вечер, надо было ложиться спать. Старуха заперла дверь, проверила Надийку, которая сладко спала и, помолвившись, кряхтя улеглась в постель, поворочалась немного, подумав, что нынче точно не уснёт, и тут же провалилась в глубокий и крепкий сон.

ГЛАВА 9

Утром Захариха, проснувшись рано, она сразу же поднялась на ноги и, заглянув за занавеску, подошла к постели Надийки. Девочка спала, улыбаясь во сне, солнечный лучик трепетал на её подушке, качался на плечике, гладил мягкие волосы. День сегодня выдался погожим. Захариха склонилась к внучке, прикоснулась губами к её лбу, удостоверилась, что жара у девочки нет и она дышит ровно и спокойно, и отправилась на кухню, чтобы приготовить к завтраку любимые Надийкины оладушки с вареньем.

Но не успела она завести тесто, как в дверь осторожно постучали. Захариха вытерла о передник руки, стряхнула муку и пошла открывать. На пороге стоял Николай, отец Ванюшки.

– Здравствуй, Николай, – поприветствовала соседа Захариха, – Ну как вы? Как у вас вчера всё прошло?

– Да ничего, бабушка, прошло... Я вот тут вам кое-чего принёс, Ванюшку помянуть. Спасибо вам с Надийкой за всё.

И Николай протянул Захарихе узелок со снедью.

– А вот это, – Николай протянул второй узелочек, – Надийке передай отдельно. И спасибо от нас с Глафирой скажи. Я теперь её защитником буду. Ежели что понадобится, ты обращайся, бабушка.

– Спасибо тебе, сынок, – кивнула старуха и перекрестила мужчину, – Ты хоть пройди, чаю попей.

– Нет, некогда, бабушка, мы на кладбище сейчас идём.

– Ну, хорошо, ступай, ступай, Николай.

Не успела за Николаем хлопнуть дверь, как тут же послышался топот босых ног по полу.

– Бабуся, а кто это приходил?

– Ох, ты ж матушки мои! Ты чего же это – босиком да раздетая? Ты как чувствуешь-то себя?

– Хорошо-о-о, – удивлённо протянула Надийка, – А что?

– Да ничего, ступай, одевайся, причешись, умойся, да завтракать станем.

Девочка убежала в печной закуток, а старуха развернула узелок со снедью. В полотенчике завернуты были варёные яички, мёд, булочки, несколько кусков сахара, пироги, кутья да кисель в горшочке.

– А что это, бабуся? – раздался за спиной голосок Надийки.

– Это помин за Ванюшку, мы ведь вчера не попали с тобой за поминальную трапезу, вот Николай и принёс нам с утра.

– Понятно, – грустно вздохнула девочка и села за стол, подперев щёчки кулачками.

Они с бабушкой позавтракали, помянули усопшего, помолились за упокой его души.

– Ой, а что это тут, на лавке? – спросила Надийка, выйдя из-за стола после завтрака.

– Ох, я и забыла совсем! – спохватилась Захариха, глядя на второй узелок, который принёс отец Ванюшки, – Это тебе дядя Николай принёс, велел передать в руки.

– Давай-ка поглядим, бабуся, что там, – сказала Надийка, и, отодвинув посуду на столе, развернула узелок.

В узелке лежало зеркальце на длинной ручке, в ажурной серебряной рамке, похожей на снежное кружево, несколько атласных ленточек, да два головных платочка.

– Ах, бабушка! – восхищённо вздохнула Надийка, – Какое чудесное зеркальце! Как из сказки! Всё светится серебром!

– Так ить оно и есть серебряное, – ответила старуха, – Это зеркальце ещё Глафириной бабки. Это память от неё. Вот, видать, как она тебя уважить захотела, что даже не пожалела такого подарка.

– Ой, бабуся, я его очень беречь буду, – Надийка прижала зеркальце к груди, и, завернув подарочки обратно в узелочек, побежала в свою комнату.

– Береги, береги, – согласилась Захариха.

Вскоре из Надийкиной горенки донеслось щёлканье ножниц и тихий голосок, который напевал какую-то песенку.

– Ну, слава тебе, Господи, оттаяла девчоночка, ожила, – перекрестилась радостно Захариха, – Не заболела после вчерашних событий. Да будто и вовсе их не помнит. Вот и ладно.

Прошло время. Надийка снова радовалась жизни, что-то мастерила в своей комнате, вышивала, и Захариха радовалась тому, что всё идёт, как раньше – тихо и мирно. Осень уже вступила в свои права, и по утрам на траве и листьях серебрился уже иней, а порой порхал и первый снежок. В один из дней Захариха сказала внучке:

– Пора бы нам с тобой, внученька, в лес сходить за калиной.

– О, я с радостью, бабушка! – весело откликнулась та.

На следующее утро, одевшись потеплее, по свежему морозцу, пошли они в лес. Захариха заранее заметила пышную, богатую калину и поэтому сейчас они с Надийкой скоро набрали полную корзину красных, рубиновых ягод – полупрозрачных, с тёмненьким сердечком в глубине. Надийка шла, приплясывая, то подбегая к старухе и целуя её звонко в щёчки, то обнимая крепко, то вновь убегала подальше, весело смеясь. Старуха улыбалась, радуясь тому, что внучка не вспоминает те печальные события последних летних дней, но порой всё же начинала вновь беспокоиться о том, почему тогда Надийка потеряла сознание и кто такой из себя этот Влас.

Подойдя к дому, они увидели, что на крыльце у них сидит Сузгиниха, старушка из их деревни.

– Ой, бабушка, здравствуй! – закричала Надийка издалека.

– Ух, милые мои, наконец-то, я вас дождалась, – обрадовалась Сузгиниха, – А то замёрзла уже, поджидая. Где были-то, где гуляли с утра пораньше?

– Да мы в лесу были, калины вот набрали.

– М-м-м, сколько красоты у вас! – заглянула она в корзину, что несла в руках Захариха.

– Да, бабушка, – похвалилась Надийка, – Мы сейчас всё переберём, помоем, а после с мёдом засахарим и посушим ещё.

– Ну, молодцы! – одобрительно закивала Сузгиниха, – Это дело!

– Пойдём, соседка, чаю попьём, обогреемся, – позвала Захариха, и они все вместе вошли в дом.

Когда все уселись за стол, Сузгиниха вдруг, хитро прищурившись, глянула на Надийку, прихлёбывая чай, и сказала:

– А я ведь к тебе, девонька.

– Ко мне, бабушка? – изумилась девочка.

– К тебе, к тебе. Я с просьбой.

– С какой? – не понимая ничего, удивлённо спросила Надийка.

Сузгиниха поднялась, взяла свой узелок, который оставила на лавке у входа, и, развязав его, достала белую ткань.

– Вот, – показала она Надийке.

– А что это? – не поняла девочка.

– Я вот хочу тебя попросить, чтобы ты покров мне на смёртное расшила.

– Да ты что, бабушка? – поперхнувшись чаем, громко рассмеялась Надийка.

– А что? – удивилась Сузгиниха, – Ты ж вот Ванюшке-то какой красивый покров расшила, я на похоронах заметила. И я хочу такой. Тоже хочу в гробу красивой лежать.

Захариха, прижав к груди руки, сумасшедшими глазами глядела на соседку, молча слушая их разговор, а сердце её трепетало.

Надийка опять захохотала, всплеснув руками:

– Бабушка, да ты что? Тебе ещё рано.

– Как рано? Восьмой десяток уж разменяла.

– У тебя ещё, знаешь, сколько лет впереди? А ткань хоро-о-ошая.

Надийка поцокала языком, пощёлкала тканью, проверяя её на прочность, поглядела сквозь неё на свет, и сказала:

– Нет, бабушка, такая ткань на покров не подойдёт.

– Вот те раз! – всплеснула руками Сузгиниха, – А какую ж тебе надо?

– Эта ткань подойдёт совершенно для другого.

– Хм, – хмыкнула Сузгиниха, – Беда мне с тобой, девка. Что ж мне теперь делать-то?

И она поглядела на Захариху. Та лишь развела руками в стороны:

– Ничего не знаю, сами решайте!

– Ничего не надо делать, – засмеялась Надийка, – Ты не переживай, бабушка. Я сама всё сделаю, как надо. А у тебя впереди ещё мно-о-ого радости!

– Да уж какая тут радость? – вздохнула Сузгиниха.

– Ничего, бабушка, скоро всё наладится, – Надийка звонко засмеялась, чмокнула её в щёчку, и, схватив ткань, убежала в свою комнату.

Сузгиниха поглядела на Захариху:

– Что ж это деется-то?

Захариха пожалала плечами в недоумении, и, подперев ладошкой щёку, задумалась.

– Не знаю, что с девкой творится, – вздохнула она.

– Да-а. А Влас-то удивил всех, не думала я, что у него такая сила, – продолжила Сузгиниха.

– Какая сила? – не поняла Захариха.

– Да ты разве не знаешь ничего про него? Он ведь колдун!

– Какой колдун?

– Ну, какой бы ни был, а колдун, о том все знают. Он животных лечит, а соседка наша пошла к нему давеча, согнувшись в три погибели, а вернулась обратно с прямой спиной!

– Ишь чего, – подивилась Захариха.

– Да-да, вся деревня знает про то, а ты одна тут сидишь, ничего не ведаешь.

– Так я и живу на отшибе, и в деревне редко бываю.

– Вот! А теперь деревня гудит, и про Надийку твою говорят тоже.

– А чего это она гудит-то? – Захариха встала, подперев бока руками.

– Да ничего, ничего плохого, наоборот, Глафира так и вовсе там расстилается, говорит, что Надийку за дочку теперь почитает, а коли она бы к ней жить пошла, так она бы взяла её к себе.

– Ещё чего не хватало! Я вам покажу, Надийку у меня забирать.

– Да ты не серчай, никто её не собирается забирать, это она так, тяжело ей сейчас, горе в ней кричит.

– Это да, – согласилась Захариха, – Горе ей, горе...

На шум выглянула из комнаты Надийка.

– Бабушки, вы тут о чём?

– Да ни о чём, ни о чём, стрекоза – махнула рукой Захариха, – Иди, своим делом занимайся.

– Ой, ну ладно, и я пойду, пора мне, – засуетилась Сузгиниха, поднявшись.

– Надийка! – крикнула она в комнату.

– А? – раздался голос Надийки.

– Я ведь пошла!

– Иди-иди, бабушка, я потом тебе сама принесу то, что у меня получится.

– Приноси, дочка, ну, давайте, не хворайте, – старушка повязала свою шаль, обула валенки и вышла за дверь.

Захариха, проводив соседку до ворот, в задумчивости остановилась на крыльце.

– Что это она тут говорила такое? Влас... Колдун... Надийка... И что это там, в деревне, деется такое? Надо будет сходить, порасспросить людей, – подумала она и пошла в избу.

ГЛАВА 10

Быстро бежит время. Вот уже и снег выпал, припорошил землю, укрыл её белой пуховой шалью, лёг сугробами. Подоспел Покров – время, когда испокон веку играли на Руси свадьбы. Все радовались чистоте и свежести, той красе, что приготовила зимушка-зима для людей – узорам на окнах, пушистому инею на ветвях деревьев, белоснежным просторам полей, крепкому уже морозцу.

Надийка почти не выходила из комнаты, всё вышивала и кроила каждый Божий день. Но чуть только Захариха входила в её комнату, как она тут же, задорно хохоча, прятала работу и говорила:

- Не подглядывай, бабуся!
- Показала бы хоть, что шьёшь на этот раз, стрекоза.
- Нет, потом сама узнаешь.
- Вышла бы ты, погуляла, Надийка, погода-то какая за окном, красота, а ты всё сидишь дома. Так и здоровье испортить недолго, – качала головой Захариха.
- Ой, бабуся, некогда, некогда, работы-то сколько!
- Ну, гляди...

В один из дней Захариха собралась идти в деревню, в лавку, купить надобно было кое-что по мелочи, да и баб расспросить о всяком. В голове её так и засела дума про Власа, кто он таков, и почему про Надийку так странно говорил в день Ванюшкиных похорон. То, что рассказала ей тогда Сузгиниха, было очень странным и в то же время любопытным. Но более всего беспокоило Захариху состояние Надийки. Девочка всё чаще и чаще стала обращать внимание на такие вещи, на которые раньше и не подумала бы, и говорить так непонятно, чего раньше за ней Захариха не замечала.

Скажет, к примеру, Надийка:

- Бабуся, ты бы эту крынку со стола убрала, а то не ровен час разобьётся.
- Да с чего бы ей разбиться?

А через какое-то время, Захариха нечаянно махнув рукой, задевала эту крынку, та падала и разбивалась вдребезги, а молоко разливалось по полу.

В другой раз скажет Надийка:

- Бабуся, ты бы баню сходила, проверила, всё ли ладно там.
- Да я только что оттуда, топится баня, всё хорошо. Погодя пойду.
- Нет, ты сейчас сходи.

Вздохнёт Захариха, пойдёт в баню, что в дальнем конце огорода стояла, а, войдя, ахнет – забыла она дверцу печи закрыть и на полу уже уголёк тлеет, уж и половица под ним почернела. Приди она чуть позже, так и разгорелось бы уже пламя. Станным всё это казалось Захарихе, она не знала, что и думать.

Захариха почти уже оделась, как из своей комнатки выскочила Надийка.

- Бабусь, ты куда собралась?
- Я в деревню пойду, в лавку, кое-что прикупить надобно.
- М-м, ну иди, а вот это для бабушки Сузгинихи возьми с собой.
- Так ведь Сузгиниха вовсе в другой стороне живёт!
- Да ты встретишь её сейчас на дороге.

Захариха с недоверием поглядела на внучку.

– Да как же я встречу её, когда она на том конце деревни живёт?

– Бабуся, ну возьми, поверь мне. Ты ей передай узелок, и скажи, что то, о чём она просила, ей ещё долго не понадобится, а вот это, – Надийка потрясла узелком, – Это её порадует.

Захариха пожала плечами, натянула валенки, покрепче завязала шаль, надела варежки из козьего пуха да шубейку, и вышла на улицу. Вдохнув полной грудью свежий морозный воздух, она улыбнулась, огляделась по сторонам, и тронулась в путь.

Едва войдя в деревню, Захариха услышала вдруг голос:

– О, Захариха, здравствуй!

Она оглянулась и увидела Сузгиниху.

– Вот те раз! – подумала она про себя, а вслух сказала, – Доброго тебе дня, Сузгиниха!

А я как раз о тебе думаю.

– Обо мне? – подивилась бабка Сузгиниха.

– О тебе, вот тут внучка моя тебе приданое твоё передала, – усмехнулась она, – Да велела сказать, что то, о чём ты просила, ещё долго тебе не понадобится, а вот то, что в узелке лежит, тебя порадует. Ну, ладно, пойду я, недосуг мне.

Сузгиниха так и осталась стоять посреди дороги в недоумении со свёртком в руках.

Захариха неспешно шагала по улице, здороваясь со встречными людьми. Деревенские считали Захариху человеком со странностями, но относились к ней по-доброму, женщина она была простая, скромная, никогда никому не отказывала, если кто за помощью обращался. Вдруг из ворот одного из домов вышла Глафира, и, увидев Захариху, улыбнулась:

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, Глафира!

– Как у вас дела? Как там Надийка? Не хворает ли?

– Спасибо, всё хорошо у нас. Не хворает Надийка. А ты чего это так о ней беспокоишься?

– Да я так, ничего.

– А ну-ка, пойдём, Глафира, поговорить мне с тобой надобно. Люди бают, что ты у меня Надийку забрать хочешь?

– Да ты что, бабушка! – испуганно подхватила Глафира, и схватила старуху за рукав шубейки, – Разве ж я так говорила? И в мыслях не было. Я сказала, что Надийку твою до того полюбила, что если бы она к нам пошла, то даже в дочки я бы её взяла. А люди уж и переиначили. Детей-то ведь у нас теперь нет и не будет уже. Сама знаешь, как мне тяжело Ванечка дался, а теперь уж и вовсе куда мне...

Она заплакала. Захариха жалостливо взглянула на женщину, обняла её:

– Ну-ну, не плачь, Глафира, ты лучше к нам в гости приходи, чайку пошвыркаем. У меня и калина в меду есть, и варенье всяческое. Да и с Надийкой повидеешься, та тоже тебе рада будет, она частенько про тебя спрашивает. И спасибо тебе за подарочек. Надийка с твоим зеркальцем прямо не расстаётся, даже спать и то с ним ложится – под подушку кладёт.

Захариха рассмеялась.

– Правда? – спросила Глафира, улыбнувшись, и утерев платочком слёзы.

– Правда, приходи к нам, мы тебя ждать будем! Ну, я пойду, дела у меня.

– Счастливо, бабушка, спасибо тебе за доброе слово.

Захариха добралась, наконец, до лавки. Она поднялась по скрипучим ступеням и вошла внутрь. У прилавка стояли несколько старух. Они о чём-то громко говорили, размахивая руками, а продавщица глядела на них, скрестив на груди руки, и кивала.

– Здравствуйте, люди добрые! – поздоровалась Захариха.

– О, Захариха, давненько тебя не видать было! Ты где это пропадаешь? – тут же окружили они её.

– Да где, дома вот, с внучкой всё.

– Как она чувствует-то себя? А то тогда на кладбище вон что было.

– Ну, что было, то было, – парировала Захариха.

– Мы уж вот думаем – не заколдовал ли её колдун? Он тогда так на неё воззрился, что мы ажно испугались, не наслал ли он на девку порчу какую, беду неминуемую или хворь, так, что она после его слов и сознание потеряла.

– Да что вы болтаете-то? -осерчала Захариха.

– Мы болтаем? – всплеснули руками старухи, – О-о-о, ты ещё его не знаешь...

ГЛАВА 11

Бабы подбежали к Захарихе, подхватили её под руки, и потянули к прилавку, а после принялись наперебой рассказывать ей свои небылицы.

– Слушай-ко, что скажу, у меня вот коровка давеча заболела, – зашептала заговорщическим шёпотом одна из них, такая любопытная, что нос её вытянулся вперёд, как стручок гороха и этот свой длинный нос она и совала во все щели, разнося затем выуженные сплетни по деревне, да и хвастуша была такая, что ещё поискать, и молоко-то у её коровы было самое сладкое, и дом-то самый чистый, и картошка-то самая крупная.

– Так вот, заболела моя Марточка, – продолжала она, – Я уж к ней и так, и эдак, не даёт даже до вымени дотронуться. Оно у неё, как каменное сделалось, а раздоить не даётся. И корова плачет, и я с ней вместе. Тут мне соседка и говорит, ты бы сходила к Власу. Я аж присела, как это, говорю, к Власу, ведь он колдун! Да как вот потому и сходи, что колдун, отвечает она, глядишь и поможет он твоей беде. Ладно. Пошла я, куда деваться. Иду, а у самой ноги подгибаются. Дошла я до Власова дома, только было собралась в дверь постучать, как вдруг она распахнулась! А на пороге сам Влас стоит.

– Ну что, с коровой непорядки? – спрашивает.

А я, ровно язык проглотила от неожиданности, только головой ему и кивнула в ответ.

– Пойдём, – говорит он мне.

И споро так зашагал. А я за ним. Влас большими шажищами своими бежит почти, а я еле поспеваю вослед. Пришли домой. А коровушка уже без сил вовсе, еле стоит, головой мотает, а из глаз слёзы катятся. Ой, жалко до чего мне её стало сердешную, бабоньки! Я в ноги Власу и повалилась, помоги, баю. А он на меня зыркнул своими глазищами и такие слова сказал:

– Рот прикрой! Поменьше бы болтала, так лучше бы было!

Я так и обмерла, и слова вымолвить не могу, будто язык к небу прилип. А Влас тем временем коровку кругом обошёл, оглядел, вымя потрогал – и ведь далась она ему – и говорит мне:

– Айда в дом.

Пришли мы в дом, достал он из-за пазухи нож. Да нож-то, бабоньки, до чего чудной, кривой такой, как рог у коровы. Влас его в косяк над дверью воткнул, а сам за стол сел.

– Налей-ка, – говорит, – Ты мне молочка попить, или чаю на худой конец.

Я чаю ему налила, молоком забелила, шаньги достала из печи, вот только утром испекла их, вку-у-сные, ну, вы же знаете, тесто-то у меня всегда получается мягкое да пышное.

Бабы переглянулись многозначительно, но ничего не ответили соседке, а та дальше рассказывает.

– Вот сидит, значит, Влас чай пьёт, шаньги жуёт и молчит. И я молчу. Вот слова не могу сказать, как будто он мне язык связал, что за дела! Тут стук в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.